

Так ли опасны информационные технологии для письменной культуры?

Сыродеева А. А.,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН,
h.puck@mail.ru

Аннотация: Одним из факторов, определяющих нынешний стиль жизни, является техника. Состояние соревнования по созданию технически нового — осязаемая доминанта. Являясь субъектом данного процесса, наш современник не просто принимает в нем активное участие, но много рефлексирует относительно собственного вклада. Хотя техника амбивалентна и многовекторна в своем развитии, ей не чужда гуманитарная роль охраны истории человеческого опыта, равно как и создание обновленных вариантов прежних культурных практик. Опираясь на расширительное толкование письма, предложенное Ж. Деррида, в статье показано, насколько важно, чтобы процесс осмысления роли техники не был перегружен алармизмом. Предлагая новые средства и форматы для практик письма, информационные технологии оказывают демократизирующее воздействие на общественную жизнь. В частности, на личностном уровне они способствуют свободе самореализации, а на общественном — поддержке пространства социокультурного многообразия и взаимодействия.

Ключевые слова: техника, культура, гуманитарная катастрофа, человек, текст, страх, амбивалентность, многообразие, демократия, социальная среда, коммуникация.

---

*...всего опаснее, по-моему, показать технику как
самодовлеющее умение, а не как интегрирующий
фактор культуры.*

Энгельмейер П. К. Письмо Юзбашеву П. А.

1.

О технике предпочитают говорить ныне как о значимом общественном акторе, и при этом отсутствует консенсус относительно того, как и какие с ней выстраивать отношения.

С одной стороны, звучат предупреждения о гуманитарной катастрофе, которую несет техника. Главная опасность видится в том, что, заменяя собой человека, техника угрожает его существованию как представителю вида. Нынешний этап антропологического кризиса связывают с тем, что уже не человек размышляет над

вопросом: «Быть или не быть?», а процесс развития самой техники дирижирует такого рода вопрошанием¹.

С другой стороны, техника неоднократно спасала человечество, когда люди оказывались уязвимы фактором Природы со стороны масштабной стихии или микроскопического вируса. Помогает техника и в том, без чего человеку трудно психологически: без общения, развлечения, работы, получения знаний, — без идеального. Порой кажется, что это универсальная палочка-выручалочка: не важно, серп ли это, мотор или цифра, — почти Золотой ключик от всех дверей или той заветной, что приведет в мир свободы от проблем.

Как не впасть в одну или другую крайность? По всей видимости, стоит напоминать себе, что техника, как все в жизни, неоднозначна. А еще — воспринимать ее в связке с Культурой. Памятуя об аргументах сторонников резко критического отношения к технике², позволим себе привлечь внимание к проблеме нынешнего этапа воздействия техники на письменную культуру, преследуя цель защитить нашего современника от иного типа давления — от фобий.

Задача философии — не в последнюю очередь предупреждать³, работать на опережение, в том числе на предвидение катастроф как природного, так и техногенного характера. Люди научились предпринимать необходимые меры подготовки к извержению вулкана, к землетрясению, к пожарам на самых разных объектах: от эвакуации до строительства сейсмоустойчивых зданий, от вакцинации до просвещения о поведении в чрезвычайных ситуациях. Но существуют опасности слабозаметные внешне, однако угрожающие человеку изнутри: страхи, парализующие, травмирующие психологически. При том, что конкретное явление, предмет, социальный субъект могут угрожать человеку, они, кроме того, превращаются в демонов, когда сознание (индивидуальное, общественное) начинает особым образом работать с ними — настойчиво конструировать: насыщать дополнительным объемом, раскрашивать яркими красками. Да, человек имеет право на проявление слабости. Но одно дело — в той или иной мере позволять себе это в индивидуальном плане, и другое — если подобным образом ведут себя те или иные социальные группы, следствием чего может стать и бессмысленная, и затратная, и опасная деятельность в значительных масштабах.

Нам подсказывают, что «[к]огда техногенная цивилизация сформировалась в относительно зрелом виде, темп социальных изменений стал возрастать с огромной скоростью. <...> В техногенной цивилизации научно-технический прогресс постоянно меняет способы общения, формы коммуникации людей, типы личности и образ жизни»⁴. Не удивительно, что наступление нового широким фронтом и в значительной концентрации — серьезное испытание для сознания. И все же, учитывая продолжительную историю «вынужденного» сосуществования человека с техникой,

1 Миронов В. В. Трансформация человека в глобальном мире цифровой культуры. URL: https://expert.msu.ru/transform?fbclid=IwAR23HoqrfYTQjDeRv6MzXLstSKPsCx_hzVK2HWrqvW5uhLvc_C5BnlbB88.

2 См., напр.: Шпенглер О. Человек и техника / Пер. с нем. А. Руткевича // Культурология. XX век: Антология. — М.: Юрист, 1995. — С. 454–494.

3 Миронов В. В. Указ. соч.

4 Степин В. С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — С. 19–21.

накопившийся опыт встречи как с машинным производством, так и с фотографией, кино, атомной энергетикой и еще многими другими продуктами прогресса, постараемся при очередном столкновении с «необычностью» делать выбор скорее в пользу сдержанного предостережения, чем алармистского испуга.

Технике свойственно дарить новые возможности действовать, снабжать средствами, которые облегчают, упрощают то, что люди осуществляли прежде. Как следствие, сдвигается удельный вес определенных типов активности, повышается их плотность, интенсивность, что не может не влиять на общественный статус, значимость тех или иных практик. Но потесненные действия, виды деятельности не исчезают бесследно⁵. Новые форматы записи музыки не отменяют живых концертов, а винил сосуществует с цифрой и даже может опережать последнюю в цене. Ретро не просто коммерчески востребовано, но выступает источником творческих поисков (от устойчивой любви к черно-белой фотографии до всевозможных экспериментов, как, например, зарисовки актера и видеоблогера Антона Лапенко с использованием VHS-съемки). Выдавливая человека из целого ряда сфер, техника одновременно поддерживает (иногда напрямую, иногда косвенно) альтернативные варианты деятельности, в том числе противостоящие ее собственным продуктам (бег как вид отдыха и здорового образа жизни востребован на фоне успехов автомобильной индустрии, а бег на тренажере оказывается своего рода промежуточным вариантом). Соответственно, в динамике гуманитарной сферы стоит усматривать все же не каскад катастроф, а разные фазы ее проявленности. При том, что можно наблюдать существенные различия в приоритетах поведения поколений (даже представителей десятилетий), было бы несправедливо отрицать факты преемственности и сохраняющейся востребованности значительных социокультурных пластов.

Технике совсем не чужда гуманитарная роль охраны истории человеческого опыта, равно как и создание обновленных вариантов прежних практик. Она устремлена как в будущее, так и в прошлое. Ныне можно наблюдать очередной вектор ее гуманитарного влияния — объединение все более широкого круга людей в информационном

---

⁵ В нашу динамичную эпоху многие практики вытесняются на социальную периферию быстрее, чем когда-либо прежде, под действием сплава факторов как технического, так и социокультурного характера. В противовес этой неизбежной тенденции предпринимаются попытки — не только профессиональными историками, но и писателями, поэтами — успеть запечатлеть ускользающую натуру. Среди поэтических текстов такого рода хотелось бы обратить внимание на поэму Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы», которая впервые была опубликована в 1987 г. (Кибиров Т. Сантименты /Восемь книг/. Белгород: РИСК, 1993. С. 125–155.) Поэма стала столь выразительным документом времени, непосредственно воспроизводившим переживания жителей страны, прощающихся с уходящей эпохой, что в 2020 г. выходит в свет книга четырех филологов, посвященных ретроспективному анализу этого поэтического текста: Лейбон Р., Лекманов О., Ступакова Е. «Господь! Прости Советскому Союзу!»: Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения / с прилож. ст. М. Свердлова. М.: ОГИ, 2020. Из числа прозаических произведений заслуживает особого внимания роман Александра Чудакова, в котором автор, оперируя богатым фактологическим материалом, стремится отстоять мысль, что «законов рождения и жизни вещей и растений не в состоянии изменить никакая революция» (Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени. М.: Время, 2012. С. 497–498). Жюри конкурса «Русский Букер» признало это произведение лучшим русским романом первого десятилетия нового века.

пространстве общения, обмена опытом и знаниями. Схематически это можно представить следующим образом. 1. Технические средства поддерживают и музыкальные, и визуальные, и устные, и кинетические, и иные формы самовыражения. При желании, руководствуясь всевозможными обучающими, просветительскими курсами, сквозь пространство и время обратившись к экспертному опыту, можно взять в руки и кисть, и перо, и музыкальный инструмент, и камеру, и мяч, пробуя работать, творить с их помощью. 2. Многие действительно предпринимают подобные попытки. 3. На фоне общего роста в жизни нашего современника виртуальной компоненты все больше становится рассказчиков о своем и чужом опыте действия. Наблюдается общемировой всплеск «эффекта попутчика», когда люди более или менее сознательно пускаются в доверительный рассказ о том, что умеют, что получается делать, воплощать в жизнь, и подобному повествованию реально внимают.

Что может быть более антропологично и гуманитарно, чем уникальный способ самореализации, каковым является повествование, в связке с обращенностью к Другому?!

2.

Вопрос выживания применительно к повествованию не является чем-то неожиданным.

Вчитаемся в слова философа Елены Ознобкиной, чуткого редактора и требовательного к себе, очень честного автора, о том, как по-разному утверждает факт своего существования устное и письменное высказывание: «...всякая речь, обреченная на время, захвачена манией выжить. Как может выжить речь? Очевидно, только все время повторяясь. Возвращая себя к месту своего возникновения. Линия этой речи состоит из рывков и возвратных движений. Фигура возврата обязательна, и она доминирует. Письму меньше оснований возвращаться. Оно укреплено в своей положенности на устойчивое основание бумаги, в своей явленности через последовательность букв, слов, предложений, пассажей...»⁶

Приведенный фрагмент относится к анализу Еленой Ознобкиной (1959–2010) творчества Мераба Мамардашвили (1930–1990). Персонафицированная адресность и контекстуальность этого фрагмента преподносит не только пример выразительно-лаконичного высказывания, но и является документом-напоминанием нам сегодняшним, сколь многое случилось за последнее время благодаря технологическим нововведениям. И письменному, и устному повествованию удалось обрести существенные формы поддержки. При этом трудно согласиться с опасениями, будто новые поколения утратили навыки письменной культуры. Справедливее было бы признать, что человечество вновь стало несколько иным, по-другому работая с Культурой, но, конечно же, не отвергая ее, не перечеркивая.

Возможно, всякий раз, когда нас посещают страхи по поводу наступления техники, стоит обращаться к ее истории, подсказывающей, что изначально, по сути своей техника антропоориентирована. Начиная сомневаться в этом, мы упираемся в малосимпатичные

---

6 Ознобкина Е. В. Заметки о философии Мераба Мамардашвили // Е. В. Ознобкина. Избранные работы / Составитель и редактор А. Г. Жаворонков. — М.: Культурная революция, 2019. — С. 140.

вопросы относительно Человека. Лучше проследуем за популяризатором технической мысли Петром Климентьевичем Энгельмейером («первым философом техники в России и одним из первых в мире», по мнению В. Г. Горохова⁷): «Избороздив, таким образом, в разных направлениях поле человеческих изобретений, мы можем его окинуть одним общим взглядом. Перед нами целый мир. Это искусственный микрокосм, которым человек себя окружает. Это та искусственная природа, внутри которой культурное человечество проводит жизнь, которая и в него самого проникает насквозь и проникла до такой степени, что даже и весь культурный человек является своим собственным созданием... Разве не искусственны язык, счисление, письменность? А разве мысль отделима от слова, цифры, символа? Люди придумали нормы и формы общественной жизни, создали себе богов по образу своему и подобию, изобрели методы и самые цели для воспитания себе подобных. Добро, справедливость, законность, прогресс, патриотизм, нация, семья... Это все суть такие же создания человеческие, каковы: Гамлет, Плюшкин, электрон, космическое притяжение, как велосипед и перочинный нож»⁸.

Возвращаясь к более частному сюжету нынешней статьи, хотелось бы подчеркнуть, что долгое время устное высказывание оставалось для человечества более доступной, демократичной формой коммуникации. Сегодня техника практически уравнила в правах голос и письмо, связала их тесным узлом, добавила к этому союзу иные формы общения. «Кентаврические» образования, связки устного и письменного обращения, в которых удастся уравновесить сильные и слабые стороны каждого из вариантов коммуникации⁹, давно практикуются. Среди новых вариантов встречи письма и почти непосредственно звучащего голоса — чат, допускающий одновременные высказывания двух и более участников, напоминающий устное общение, но осуществляющийся в письменной форме.

3.

Остановимся чуть подробнее на том, что технике удастся реализовать в письменном пространстве, с точки зрения общесоциальных процессов, каким образом она не только и не столько угрожает, сколько поддерживает практику письма, пусть иногда и косвенно.

Если говорить о внешней стороне, лица сосредоточенно пишущих или читающих тексты в смартфоне и прочих гаджетах являют окружающим обычно скрытую от посторонних глаз красоту, душевный настрой человека. И хотя все меньше слышны голоса на улице, общение не исчезает бесследно, оно мигрирует в пространство

---

7 Подробно об этом см., напр.: Горохов В. Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX — начале XX столетия. — М.: Логос, 2009.

8 Энгельмейер П. К. Эврология, или Всеобщая теория творчества (цит. по: Горохов В. Г. Техника и культура. С. 191).

9 Например, скорость восприятия — существенное преимущество, поддерживающее письменную культуру в динамичный век. При этом сбой в логике рассуждения очевиднее на письме, что учитывается и активно используется заинтересованными социальными субъектами. В свою очередь нагрузка на зрение, возрастные ограничения доступности письменной формы коммуникации и, как следствие, проблематичность соединения ее с другими формами деятельности работают на устный тип повествования.

технически обустроенного письменного текста, насыщается там описаниями, комментариями, обсуждениями. Туда перебирается почти вся гамма индивидуального стиля поведения: от естественного обаяния до наигранного шарма, от вдумчивого, доверительного рассуждения до провокативных экспериментов. Там дает о себе знать новая широта, плотность, содержательность общения. Происходят и принципиальные социальные сдвиги. Техника существенно демократизирует общественную действительность, характер отношений. Будучи доступны в любое время для многократного перечитывания и осмысления, в пространстве письменного текста «звучат» голоса разных социальных субъектов.

Хотя не стоит забывать, что технические устройства варьируют по цене и качеству, тем не менее ключевые возможности, привносимые техникой в пространство письма, по карману все большему числу людей планеты. Не сбрасывая со счетов и фактор власти, контроля, нельзя не признать, что вход в пространство публичного письменного диалога ныне отличается существенной социальной доступностью. Это пространство относительной свободы самовыражения, с одной стороны, и поиска ответа на разнообразные вопросы-проблемы — с другой. Рост числа гражданских инициатив самого разного масштаба (от дворовых до общепланетарных), разворачивающихся на технически обустроенных общественных площадках, — тому подтверждение. При этом очень важно, что демократизм современных публичных письменных пространств в количественном плане (о чем свидетельствует как численность их участников, так и доступность разным социальным стратам) поддерживается и содержательной составляющей — возросла роль смысловых нюансов частного мнения (учитывается не просто поднятая рука в пользу или против конкретного положения, но возросла возможность обосновать позицию, приведя соответствующие аргументы, которые легко и быстро документируются).

Естественно, как всякая тенденция, данная также не лишена малоприятных характеристик. Наблюдаются очевидная перенасыщенность информационного поля (нередко приводящая к психологическим перегрузкам), широкое распространение текстов низкого качества, сомнительного содержания, вплоть до угрожающих жизни (особенно при воздействии на уязвимые социальные группы), конкуренция текстов, борьба за влияние (вплоть до разворачивания информационных войн). В пространстве, увеличивающем степени свободы, дает о себе знать в том числе нелицеприятное: потребность в наживе, болезненная воинственность, жестокость — как следствие, вновь настойчиво звучит тема контроля, подотчетности структурам власти. Наивно полагать, что мир технически созданных письменных текстов представляет собой нечто отличное от привычной действительности, скорее, он является ее продолжением.

4.

А что наблюдается в субъективном плане, почему, заглянув в технически организованное письменное пространство, наш современник стремится задержаться там на длительный период?

Письменный текст всегда был пространством самости, но ныне он становится еще и оазисом идентичности. В мире, где многое за человека делает, производит-штампует

техника, лично созданное превращается в значительную ценность. Текст принадлежит к числу уникальных продуктов, неотторгаемых произведений, способов самовыражения.

Формуле «Жизнь как литература»¹⁰, похоже, следуют не только люди, подобные Пушкину, Ницше, Прусту, которые не могут не писать, или те, кто зарабатывает письмом. В нынешнем социокультурном контексте, когда многие практики отобраны техникой у человека, написанный текст (пусть и с помощью тех же технических средств) — одновременно признанный общественный продукт и потребность, получающая широкое распространение. Это визитная карточка личности. О такой тенденции свидетельствует в том числе статус эссе, которое заявляет о себе не исключительно в качестве особого жанра, принципиального, например, для философии¹¹, но также требуется в рамках экзаменов по самым разным гуманитарным дисциплинам, начиная с общеобразовательной школы.

Еще раз подчеркнем: коль скоро техника оказывает поддержку письменному и устному высказываниям, их «кентаврическим» образованиям, за личностью сохраняется право выбирать способ самовыражения. Творчество М. Мамардашвили и Ж. Деррида — примеры того, насколько подобного рода предпочтение экзистенциально, связано с индивидуальной склонностью, с личным опытом поиска пути свободы внутри конкретной социокультурной ситуации. Для М. Мамардашвили подобное движение помогало осуществить в большей мере устный текст (выполнявший роль особого профессионального средства), а для Ж. Деррида — письменный (в качестве специфического предмета анализа).

Осмыслять частные усилия окружающим удастся в большей мере ретроспективно. Сам по себе такой проект воспринимается как очень притягательный, но самоотверженное его воплощение с позиции Другого — достаточно редкая для исследовательского сообщества практика. Одним из хранителей наследия М. Мамардашвили по праву считается Е. Ознобкина, в редакции которой вышли в свет его лекции о М. Прусте¹². Для Ж. Деррида коллегой-посредником-другом среди российских философов и переводчиков его трудов стала Н. Автономова. Творчество плодовитых, непростых для осмысления философов эмпатийно бережно приняли в свои руки яркие авторы, при этом каждую из них отличают четкость (строгость) мысли, удивительная работоспособность и солидарность в содержательном поиске со своим философским собеседником.

Вот как склонность М. Мамардашвили, глубоко, лично укорененную, описывает Е. Ознобкина: «До сих пор, хотя я читаю уже не стенограммы лекций Мамардашвили, а опубликованные тексты, для меня совершенно органична внутренняя огласовка текста. Мне даже кажется, что и для нового читателя, который никогда не слышал голоса Мераба Константиновича Мамардашвили, эффект внутренней огласовки будет присутствовать. Именно голос был условием той внутренней связности, которую

---

10 Вынесена в заглавие книги А. Нехамаса: *Nehamas A. Nietzsche: Life as Literature*. Massachusetts, London: Harvard University Press, 1985.

11 См. об этом, в частности, удивительную по глубине и искренности книгу: *Своеволие философии: собрание философских эссе* / Сост. и отв. ред. О. П. Зубец. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

12 Мамардашвили М. К. *Лекции о Прусте (психологическая топология пути)*. — М.: Ad Marginem, 1995.

обладала речь Мамардашвили в аудитории. Сейчас, когда эта речь предстает для нас в форме текста, нельзя не заметить, что это текст своеобразный, который даже самый искусственный и целенаправленно жесткий редактор уже не сможет уравнивать с опытом письма. Мне представляется резонной позиция Михаила Рыклина, настаивающего на внимании к тому, что мысль Мераба Мамардашвили состоялась в речевом пространстве, и что эта речевая форма — существенное содержательное обстоятельство, а не какая-то случайная и нейтральная форма мысли. Позиция Мамардашвили располагается в речи — это, безусловно, очень особая позиция»¹³.

И почти современник М. Мамардашвили, в ходе работы использовавший тот же язык — французский (пусть и в иных масштабах), тоже активно прибегавший к литературе в своих философских поисках, Ж. Деррида выбирает иной способ самовыражения. В книге «Философский язык Жака Деррида»¹⁴ Н. Автономова, оставляя дискуссионное поле интерпретаций работ французского философа открытым, показывает, в какой мере значимо было для Деррида «гиперболическое понимание самой необходимости писать»¹⁵, и что его «[п]роjekt деконструкции есть концептуальная форма экзистенциального переживания, иными средствами для Деррида не разрешимого»¹⁶.

Кропотливо и трепетно разбирается Н. Автономова в деталях предложенного Ж. Деррида понимания феномена письма и его значимости для французского философа. Приведем три фрагмента. «Ситуации использования этого понятия очень разнообразны. Это позволяет проследить «возгонку» смысла от его более или менее материальной ипостаси (ср. письмо как письменность, как способ начертания букв, слогов или рисунков) до письма как абстрактного понятия, означающего любую артикуляцию, и наконец — к архе-письму как условию возможности какой бы то ни было артикуляции. <...> В нынешнюю эпоху инфляции языка и понятия языка письмом может стать все что угодно: не только запись голоса, но и запись движения — хореография или, допустим, кинематография. О письме может говорить кто угодно: скульптор, биолог, специалист по информационным процессам»¹⁷. «...от «Грамматологии» к нашему времени и далее протягивается линия размышлений о всеобщих средствах связи, об универсальном письме во всех его возможных формах (в 1960-е годы это называлось обобщающим словом «кибернетика»). По сути, через различные модальности «письма» Деррида запечатлевает некоторые тенденции развития человеческой коммуникации (того, что мы теперь называем «медиа»), процессы наращивания и диверсификации ее технологических средств»¹⁸. «В основе размышлений о письме, архе-письме, речи и др. лежат одновременно две очевидности: усиливающаяся хрупкость коммуникаций на уровне межиндивидуальном и общечеловеческом и постоянно возрастающая плотность контактов, которая обеспечивает интенсивные смещения, скрещивания, контаминации»¹⁹.

Снятие противостояния между устной и письменной речью, как и многих других оппозиций, было существенной частью задуманного французским философом проекта

13 Ознобкина Е. В. Заметки о философии Мераба Мамардашвили. — С. 139–140.

14 Автономова Н. С. Философский язык Жака Деррида. — М.: РОССПЭН, 2011.

15 Там же. — С. 337.

16 Там же. — С. 437–438.

17 Там же. — С. 159.

18 Там же. — С. 163.

19 Там же. — С. 373

деконструкции. Видеть, создавать разное, а потом это собирать — стратегия космополита Ж. Деррида. Можно сказать, им предпринята попытка показать исторически многоуровневую, многоаспектную реализацию потребности человека в общественном самовыражении, ее эволюционирование. Быть гражданином мира получается, если придерживаться этого принципа и в пространстве, и во времени. Разве не согласно этому принципу строится Культура, состоящая из разновременных и разноликих пластов? Разве новое когда-либо является в ней совершенно новым и заменяет собой полностью существовавшее прежде? Ж. Деррида в своем объемном и многовекторном понимании письма подсказывает, что не стоит пугать себя катастрофическим наступлением нового, в том числе привносимого техникой.

Еще раз подчеркнем: личный выбор относится к сфере свободы. Но последняя не существует в вакууме. Она невозможна вне среды, где личность добывает для себя материал, с которым работает внешне и внутренне. Сохранение среды, где присутствует и реализует себя свободное разное, принципиально. Ибо нет ничего страшнее, чем пустота.

5.

Тема социокультурной среды, важности ее многоплановой, разнонаправленной наполненности выразительно представлена в романе писателя и публициста Д. Быкова «Остромов, или Ученик чародея»²⁰. Сочетая исторический и литературно-художественный материал, автор подталкивает читателя задуматься над проблемой связи свободы реализации личных жизненных установок и среды как пространства их становления, воплощения, взаимодействия.

Выбрав в качестве фактического материала дело ленинградских масонов 1925–1926 гг., Д. Быков проводит своего рода case study, в котором социокультурная среда как объект анализа рассматривается в пограничном состоянии между постреволюционной взорванностью и последующей тотальной зачисткой — в исторически промежуточный период НЭПа, когда разное еще допускается, впускается, хоть и в значительно усеченном, неструктурированном виде. Поставив в центр романа героя и антигероя (каждый из них имел своего исторического прототипа, соответственно, Д. Галицкий — Д. Жуковского, а Б. Остромов — Б. Астромова-Кириченко-Ватсона), а также нарисовав космос второстепенных персонажей, Д. Быков показывает читателю, каким образом индивидуальный выбор совершается в реальности социально разноликой и морально неоднозначной. Для писателя полифоничная неоднородность присутствует как внутри социальных слоев, общественных групп (интеллигенции, масонских кругов, представителей ОГПУ), так и внутри самой личности. Но как бы ни относиться к подобной социальной сложности, какими бы критериями ни пользоваться при вынесении оценок, нет ничего страшнее, чем зачистка, стерилизация общественной действительности, что ведет к фактическому ее уничтожению, включая тех, кто в ней пребывает. «Для читателя начала века все это было, верно, глупость и мракобесие, — но двадцать лет спустя это мракобесие было живительно и утешительно, как любая человеческая глупость среди плотной массы нечеловеческого, как пошлая любовная

---

20 Быков Д. Л. Остромов, или Ученик чародея: Пособие по левитации. — М.: ПРОЗАиК, 2010.

записка с гимназическими ошибками, вложенная в том статистических данных о забое скота в Самарской губернии»²¹, — отмечает автор.

С антигероем романа — Остромовым — все остальные персонажи находятся в разных отношениях, от большего или меньшего преклонения до противостояния, то мысленно, душевно, физически сближаясь с ним, то отдаляясь. В очном или заочном социальном диалоге одни падают все ниже, другие поднимаются в облака своего воображения, третьи под его влиянием обретают возможность удерживать внутреннее равновесие. Личная амбивалентность воспроизводит себя в социокультурном многообразии, равно как и наоборот — является его отражением. Устранение же неоднозначности во имя неких принципов, часто непонятных самим реализующим подобного рода проекты, создает пугающую пустоту, которую способны преодолеть, по всей видимости, лишь самородки, чудаки и дети.

Социальная разноликость, внутри которой и с которой возможен диалог, коррелирует для Д. Быкова с общественной витальностью. Берусь предположить, что именно поэтому автор романа не может остановиться и рисует все новых и новых второстепенных персонажей, пусть ему и записывают это нередко в минус. Да, он любит не многих героев в своем романе, но не устает вслушиваться в мысли, выражающие разные жизненные установки. Ему есть дело до очень многого²². То, что с литературной точки зрения иногда расценивается как недочет, обществоведам представляется ценным. Структурность желательна для художественного произведения, но для социокультурной реальности оказывается важнее (общественно продуктивнее и психологически здоровее) социальная разноликость.

Еще раз подчеркнем: среда способствует встрече разных субъектов и питает индивидуальное внутреннее движение. Техника стала одним из факторов, которому удается поддерживать социогуманитарную среду, создавать ее содержательную глубину. Так, социальные сети, чаты конструируют (нередко стремительно) поле взаимодействия; прежде на это уходило много времени и сил. Технически воплощенный и распространяемый текст становится активно действующим социальным клеем, дополнительно скрепляющим большие или меньшие пространства общественного взаимодействия. Поэтому имеет смысл утверждать, что технические средства не убили социогуманитарную среду, а стали новыми формами поддержки и развития этой реальности, интенсивно подпитывая ее и сохраняя возможность свободного выбора внутри нее.

---

21 Быков Д. Л. Остромов, или Ученик чародея: Пособие по левитации. — М.: ПРОЗАиК, 2010. — С. 679–680.

22 Можно предположить, что подобная позиция не является релевантной каждому. Реализуя себя в разных социальных пространствах, думается, лично в своем случае Д. Быков выбрал вполне адекватную. Заход с разных социальных позиций для осмысления общественного настроения, конкретного социального феномена, исторической персоналии путем расстановки множественных «зеркал» — принцип, используемый Д. Быковым и в поэтико-биографическом исследовании, посвященном Б. Пастернаку (Быков Д. Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007), и в романе «Июнь» (Быков Д. Л. Июнь: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019).

Само по себе наличие среды не означает пребывание человека в безопасном, социально беспроблемном пространстве. Музеи, библиотеки, театры могут существовать, но при этом стоять пустыми — без посетителей. Друзья могут публиковать множество снимков и рассказов о себе и друг друге, но при этом страдать от одиночества. В среде требуется ориентироваться, не потеряться, не утонуть, а еще раньше — не быть к ней равнодушным. Важно, чтобы человек ощущал себя не столько ее объектом (полностью застраховаться от этого, по всей видимости, маловероятно), сколько одним из субъектов. Технически организованную среду отличает постоянная динамика, и этот факт не может в той или иной мере не воздействовать на нашего современника. Более того, возрастание объемов и скоростей изменений технической реальности — своего рода постоянный поршень, давящий на личностную внутреннюю собранность. Наш современник пребывает в неоднозначной ситуации: созданная техникой среда находится рядом, на расстоянии протянутой руки, но при этом нередко атрофируется желание сделать шаг навстречу объектам и людям в этом мире. Бытие, становясь все более «текучим», не воспринимается нашим сознанием как свободное от трудноразрешимых проблем — человек продолжает попадать в водовороты одиночества, отчуждения от очень многого и многих. Помня об этой неоднозначности, не стоит пугаться, хотя бы потому, что пока мы боимся одного, в наш динамичный век успевают случиться много иного. Существенно важнее не упускать из виду то, что нам дорого, но слабеет под воздействием неизбежных трансформаций, и оберегать, страховать это значимое. Техника задумана и создана не кем иным, как человеком, в помощь себе. И в этом отношении она не замещает Культуру, а комплементарна ей. До тех пор, пока мы сохраним за собой право на субъектность, мы будем оставаться свободными, как и прежде в истории, справляясь с разными объективными феноменами: размышлять над ними, использовать продуктивным образом, рационально видоизменять.

Литература

- Автономова Н. С. Философский язык Жака Деррида. — М.: РОССПЭН, 2011. — 510 с.
- Быков Д. Л. Остромов, или Ученик чародея: Пособие по левитации. — М.: ПРОЗАиК, 2010. — 768 с.
- Быков Д. Л. Борис Пастернак. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 893 с.
- Быков Д. Л. Июнь: роман. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. — 507 с.
- Горохов В. Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX — начале XX столетия. — М.: Логос, 2009. — 376 с.
- Кибиров Т. Сквозь прощальные слезы // Т. Кибиров. Сантименты /Восемь книг/. — Белгород: РИСК, 1993. — С. 125–155.
- Лейбон Р., Лекманов О., Ступакова Е. «Господь! Прости Советскому Союзу!»: Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения / с прилож. ст. М. Свердлова. — М.: ОГИ, 2020. — 448 с.
- Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). — М.: Ad Marginem, 1995. — 547 с.
- Мионов В. В. Трансформация человека в глобальном мире цифровой культуры. URL: https://expert.msu.ru/transform?fbclid=IwAR23HoqrfYtQjDeRv6MzXLsltSKPsCx_hzVK2HWrqvW5uhLvc_C5BnIbB88

Ознобкина Е. В. Заметки о философии Мераба Мамардашвили // Е. В. Ознобкина. Избранные работы / Составитель и редактор А. Г. Жаворонков. — М.: Культурная революция, 2019. — С. 134–141.

Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О. П. Зубец. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 500 с.

Степин В. С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.

Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени. — М.: Время, 2012. — 640 с.

Шпенглер О. Человек и техника / Пер. с нем. А. Руткевича // Культурология. XX век: Антология. — М.: Юрист, 1995. — С. 454–494.

References

Avtonomova N. Filosofskii yazyk Jaka Derrida [The Philosophical Language of Jacques Derrida]. M.: ROSSPEN, 2011. 510 p. (In Russian.)

Bykov D. Boris Pasternak [Boris Pasternak]. M.: Molodaya gvardiya, 2007. 893 p. (In Russian.)

Bykov D. Iul': roman [June: novel]. M.: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2019. 507 p. (In Russian.)

Bykov D. Ostromov, ili Uchenik charodeya: Posobiye po levitatsii [Ostromov, or The Magician's Apprentice: Levitation textbook]. M.: PROZAIK, 2010. 768 p. (In Russian.)

Chudakov A. Lozhitsya mгла na staryi stupeni: Roman [Darkness Falls on Old Steps: Novel]. M.: Vremya, 2012. 640 p. (In Russian.)

Gorokhov V. Tekhnika I kul'tura: vznikoveniye filosofii tekhniki I teorii tekhnicheskogo tvorchestva v Rossii i Germanii v kontse XIX — nachale XX stoletiya [Technology and culture: the emergence of the philosophy of technology and the theory of technical creativity in Russia and Germany in the late 19th and early 20th centuries]. M.: Logos, 2009. 376 p. (In Russian.)

Kibirov T. Skvoz' proshchal'nyie slezy. [Through Farewell Tears]. In: Kibirov T. Santimenty / Vosem' knig [Sentiments /Eight books]. Belgorod: RISK, 1993. P. 125–155. (In Russian.)

Leibon R., Lekmanov O., Stupakova E. «Gospod'! Prosti Sovetskomu Soyusu!»: Poema Timura Kibirova «Skvoz' proshchal'nyie slezy»: Opyt chteniya [«Lord! Forgive the Soviet Union!»: Timur Kibirov's poem «Through a Farewell Tear»: Reading Experience]. M.: OGI, 2020. 448 p. (In Russian.)

Mamardashvili M. Lektsii o Pruste (psikhologicheskaya topologiya puti). [Lectures on Proust (psychological topology of the way)]. M.: Ad Marginem, 1995. 547 p. (In Russian.)

Mironov V. Transformatsiya cheloveka v global'nom mire tsifrovoi kul'tury [Transformation of Human Beings in the Global World of Digital Culture]. URL: https://expert.msu.ru/transform?fbclid=IwAR23HogrfYtQjDeRv6MzXLstSKPsCx_hzVK2HWrqvW5uhLvc_C5BnIbB88

Nehamas A. Nietzsche: Life as Literature. Massachusetts, London: Harvard University Press, 1985. 261 p.

Oznobkina E. Zаметki o filosofii Meraba Mamardashvili [Notes on the Philosophy of Merab Mamardashvili]. Oznobkina E. Izbrannyye raboty [Selected works]. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2019. P. 134–141. (In Russian.)

Spengler O. Chelovek I tekhnika [Man and technology]. In: Kul'torologiya. XX vek: Antologiya [Culturology. 20th Century: Anthology]. M.: Yurist, 1995. P. 454–494. (In Russian.)

Stepin V. Teoreticheskoye znaniye [Theoretical Knowledge]. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 744 p. (In Russian.)

Svoyevoliye filosofii: sobraniye filosofskikh esse [Self-willing Philosophy. A collection of philosophical essays]. M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2019. 500 p. (In Russian.)

Are Information Technologies So Dangerous for Written Culture?

Syrodeeva Asya,

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, h.puck@mail.ru

Abstract: One of the factors that determines the current lifestyle is technology, which persistently draws the world into competition for new means and practices. As the subject of these processes, our contemporary not only takes an active part in them, but also reflexes a lot about his/her own impact. Although technology is ambivalent and multivector in its development, the humanitarian role of protecting the history of human experience, as well as creating the updated versions of cultural practices is not alien to it. Inspired by the broad interpretation of the writing practices proposed by J. Derrida, the author of the article shows how important it is for the understanding of technology not to be overloaded with alarmism. Information technologies have a democratizing effect on social life by offering new tools and formats for the writing. In particular, they support on a personal level the freedom of self-realization, while on a public scale — sociocultural diversity and interaction.

Keywords: technology, culture, humanitarian disaster, human being, text, fear, ambivalence, diversity, democracy, social space, communication.